Лолита Ланская

БРОШЕНА В 45

Твоя мать нас разлучила

Лолита Ланская

Брошена в 45. Твоя мать нас разлучила

https://litres.ru/74794288
SelfPub; 2026

Аннотация

В свой сорок пятый день рождения я ждала от мужа цветов. Вместо этого он показал мне короткое видео и объявил, что хочет развестись.

Я объясняла, что на записи примерка штор, а мужчина рядом помог мне спуститься со стремянки. Показывала переписку, просила позвонить заказчице, но Илья уже решил, кому верить. Он поверил матери, которая невзлюбила меня ещё до нашей свадьбы.

Так я оказалась в съёмной квартире с дорожной сумкой и привычкой покупать хлеб на двоих. Нужно было работать, платить за жильё и учиться говорить дочери правду, не заставляя её выбирать между родителями.

Я не собиралась снова влюбляться. Даже не думала, что кто-то станет слушать меня без подозрений и требований быть удобной. И уж точно не ожидала, что однажды найдётся полная запись того самого видео.

Теперь муж хочет вернуть меня. Свекровь уверяет, что заботилась о сыне. А я впервые спрашиваю себя не о том, как сохранить свою семью, а о том, хочу ли возвращаться к человеку, который даже не попытался меня выслушать.

Содержание

Содержание 5
Глава 1. На мой день рождения ты принёс это 6
Глава 2. Я ушла не потому, что признала вину 23
Глава 3. Ты мог хотя бы посмотреть 41
Глава 4. Мне нужна работа, а не жалость 59
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Лолита Ланская Брошена в 45. Твоя мать нас разлучила

Содержание

Глава 1. На мой день рождения ты принёс это
Глава 2. Я ушла не потому, что признала вину
Глава 3. Ты мог хотя бы посмотреть
Глава 4. Мне нужна работа, а не жалость
Глава 5. Даша, я не могу помирить нас одна
Глава 6. Вернуться можно, только сначала извинись
Глава 7. День, в который мы развелись
Глава 8. Я не обязана всё время быть удобной
Глава 9. Покажите мне запись целиком
Глава 10. Она заранее знала, что ты там будешь
Глава 11. Твоя мать нас разлучила
Глава 12. Теперь ты мне веришь
Глава 13. Я не смогу вернуться как раньше
Глава 14. Ключи от моей квартиры
Глава 15. В этот раз я сама загадаю желание
Эпилог. Давай жить вместе

Глава 1. На мой день рождения ты принёс это

В день своего сорокапятилетия я наконец надела платье, которое три месяца провисело в шкафу с неподшитым низом. Для чужих вещей у меня почему-то всегда находилось время, а собственные я переделывала, только когда становилось совсем уж стыдно.

Илья любил это платье. Сам выбрал его в магазине, пока я рассматривала что-то привычное, тёмное и немаркое.

«Марин, ну ты хотя бы померь. Что ты сразу отказываешься?» – уговаривал он тогда и даже пошёл со мной к примерочной, хотя обычно оставался возле входа с таким лицом, будто его привели сдавать кровь.

Я помнила, как он улыбнулся, когда я раздвинула шторку.

Перед зеркалом в прихожей пришлось немного повозиться с волосами. Одна прядь никак не хотела лежать, я дважды убирала её за ухо, потом махнула рукой. В конце концов, мы собирались провести вечер дома, а не фотографироваться на документы.

Из кухни пахло курицей, чесноком и запекающимся сыром. На столе уже стояли две тарелки, салатница и небольшая коробка из кондитерской. Торт я купила днём, хотя могла испечь сама. Сегодня хотелось хоть что-нибудь получить

готовым.

Телефон завибрировал возле хлебницы.

– Ну что, именинница, ты там ещё работаешь или уже разрешила себе отдохнуть? – спросила Оксана. По голосу было слышно, что она улыбается; где-то рядом с ней стрекотала машинка.

– Уже даже переоделась, представляешь? И торжественно обещаю до завтра не брать в руки ножницы. Илья сейчас придёт, поужинаем спокойно.

– Тогда не отвлекаю. Только про место у меня ты всё-таки подумай, ладно? Я тебя не тороплю, но хозяйка помещения спрашивает, будем ли мы ставить ещё один стол.

Я посмотрела на ежедневник, лежавший возле окна. Между страницами торчал сложенный листок с моими подсчётами: аренда, свет, проезд, сколько нужно заказов, чтобы не работать себе в убыток.

– Мы сегодня как раз собирались поговорить. Он вроде не против, просто хочет всё посчитать.

– Ты уже столько считала, что могла бы бухгалтером подрабатывать, – рассмеялась Оксана, а потом заговорила мягче: – Ладно, Мариш, не буду лезть. С днём рождения тебя ещё раз. Завтра позвонишь, расскажешь, как посидели.

Я убрала ежедневник в ящик, чтобы не начинать разговор о деньгах прямо с порога. Сначала поедим, посмотрим Дашино поздравление. Дочь ещё утром прислала видео и велела включить его обязательно со звуком и вместе с папой.

В субботу она собиралась приехать сама. Сегодня у неё были занятия, потом работа, и я строго запретила нестись через весь город ради получасового чаепития.

Когда в замке повернулся ключ, я как раз доставала из шкафа бокалы.

– Илюш, только руки сразу помой, у меня уже почти всё…

Я вышла в коридор и остановилась. За спиной мужа стояла Нина Павловна. Она стряхивала с рукава пальто мелкие капли дождя, недовольно разглядывая ткань.

– Здравствуйте. А я не знала, что вы тоже придёте, – сказала я и сразу услышала, как это прозвучало. Пришлось улыбнуться. – Проходите, конечно. Сейчас ещё прибор поставлю.

– С днём рождения, Марина. Здоровья тебе, это самое главное, – ответила свекровь, ненадолго коснувшись моей руки прохладными пальцами. – Остальное, как говорится, от нас самих зависит.

Илья молча снимал куртку. Цветов у него не было, но я не сразу обратила на это внимание. Меня больше беспокоило его лицо: он не смотрел мне в глаза, а когда я подошла поцеловать его, чуть повернул голову, и мои губы попали куда-то между щекой и ухом.

– Что случилось? У тебя на работе неприятности? – спросила я тише, придерживая его за рукав.

– Давай пройдём на кухню, Марин. Не будем здесь стоять.

Он высвободил руку и пропустил мать вперёд.

Я осталась возле вешалки, держа его шарф. Ещё утром мы

совершенно нормально разговаривали. Он поздравил меня, обнял сонную, пообещал не задерживаться. Сказал, что вечером никуда не поедем и никому ничего не будем должны.

Я даже переспросила про его мать.

Последние месяцы Нина Павловна всё чаще заводила разговор о том, что одной ей жить тяжело, а Дашина комната у нас всё равно пустует. Илья сначала привычно отмалчивался, но недели три назад, в воскресенье, мы с ним наконец поговорили без криков и обид. Он согласился, что постоянный переезд – совсем не то же самое, что помощь по хозяйству или поездка к врачу. Обещал объяснить ей сам.

Может быть, объяснил, а теперь она пришла обижаться уже на меня.

Я повесила шарф, одёрнула платье и вернулась на кухню. Нина Павловна устроилась возле окна. Сумку поставила между стулом и стеной, очки убрала в футляр. Илья стоял у стола, не притрагиваясь к стулу.

– Садись, я сейчас достану горячее. Вы чай будете или сначала поедим? – спросила я, открывая шкаф за третьей тарелкой.

– Марина, поставь это пока. Нам поговорить надо.

Я обернулась с тарелкой в руках.

– Ну так говори, я же здесь. Что у вас произошло?

Илья достал телефон, несколько раз коснулся экрана и положил его на стол рядом с салатницей.

На несколько секунд я даже успела подумать, что он от-

крыл Дашино поздравление. Наклонилась, улыбаясь по привычке, и сразу увидела свой синий рабочий свитер. На рукаве белела полоска портновского мела.

Рядом со мной стоял Сергей Крылов. Его ладонь лежала у меня на талии, а я держалась за его плечо и что-то говорила, запрокинув голову. В тесном кадре были только мы по пояс и часть окна, звука не было. Запись длилась совсем недолго. Мы чуть качнулись, Сергей улыбнулся, после чего экран потемнел.

Я подняла глаза на мужа.

– Это у Зои Михайловны, где я шторы примеряла. А что…

– Ну и что ты мне скажешь? Только давай без этого твоего «ты всё неправильно понял». Я уже посмотрел раз десять и, по-моему, вполне нормально понял, – перебил Илья. Он говорил негромко, но челюсть у него была так напряжена, что возле уха двигалась мышца.

Я поставила тарелку на стол.

– Подожди, ты сейчас серьёзно? Сергей помог мне со стремянки слезть. Она там шаталась, я ещё Зое сказала, что на такую вообще вставать нельзя. Дай посмотрю ещё раз, где начало?

Я потянулась к телефону, но Илья забрал его раньше, чем я успела коснуться экрана.

– Работала, значит? А про Сергея почему не рассказала? Про ткань рассказывала, про деньги рассказывала, а что со своим бывшим встретилась, как-то забыла.

Последнее слово он произнёс с такой неприятной усмешкой, что у меня сразу вспыхнули щёки.

С Сергеем мы учились в одном классе. После выпускного несколько месяцев встречались, если можно было так назвать прогулки после работы и два похода в кино. Потом он уехал, я познакомилась с Ильёй, и за следующие двадцать с лишним лет мы виделись от силы три раза.

Об этом Илья знал. Я сама когда-то рассказывала, без всяких тайн. Нина Павловна тоже слышала эту историю, когда мы разглядывали старые школьные фотографии.

– Потому что я его там увидеть не ожидала. Он карниз устанавливал, а я приехала на примерку. Мы поздоровались, немного поговорили, потом каждый занимался своим делом. Господи, Илья, ну что я должна была тебе рассказать? Что Серёжка теперь карнизы ставит?

– Вот только не надо сейчас делать вид, будто речь о карнизах, – сказал он, отодвигая стул. Ножки с неприятным скрипом проехали по плитке. – Ты прекрасно понимаешь, о чём я спрашиваю.

– Нет, я не понимаю, почему ты спрашиваешь таким тоном. Покажи запись целиком, там слева стремянка должна быть. Я уже спускалась, а она подо мной поехала…

– Марина, ты бы сначала успокоилась, – вмешалась Нина Павловна. Она поправила салфетку возле своей тарелки и только потом посмотрела на меня. – Илюше и без твоих криков тяжело.

Я замолчала на середине вдоха. До этого мгновения я ещё думала, что сейчас мы разберёмся. Мне было обидно, я злилась на нелепую ревность, но происходящее казалось недоразумением, которое можно закончить одним нормальным разговором.

После слов свекрови стало страшно: они уже всё обсудили без меня.

– Нина Павловна, вы ведь сами дали Зое мой номер, – сказала я, повернувшись к ней. – Вы же мне этот заказ и предложили. Сказали, что человек надёжный, заплатит вовремя, потом ещё во вторую квартиру шторы понадобятся. Ну скажите ему, зачем я туда ездила.

– Я знала, что ты едешь работать. Чем ты там ещё занималась, я знать не могу, – ответила она, поджимая губы. – И не надо сейчас на меня так смотреть. Мне этот разговор не легче, чем тебе.

Таймер на духовке запищал так резко, что я вздрогнула. Несколько секунд мы все молчали, слушая этот звук. Потом я повернулась, взяла прихватки и открыла дверцу. Горячий воздух ударил в лицо; сыр на курице уже подрумянился по краям.

Я поставила форму на плиту и зачем-то поправила торчащий кусок фольги.

– Зоя снимала, да? – спросила я, не оборачиваясь. – Это она вам прислала?

– А кто ещё должен был прислать? – отозвалась Нина Пав-

ловна. – Человек оказался в очень неприятном положении. Ей совершенно не хотелось вмешиваться в вашу жизнь.

Я медленно повернулась к столу.

– Она при мне телефон держала. Сказала, хочет посмотреть, как складки лежат со стороны. Я даже ткань для неё расправляла. Илья, ну послушай, это же можно проверить. Сейчас я ей позвоню.

Мой телефон лежал возле хлебницы. Я нашла номер Зои, включила громкую связь и положила аппарат посередине стола.

Гудки шли долго. Я смотрела на экран, на её фотографию возле сиреневого куста, и с каждой секундой всё сильнее сжимала край столешницы.

– Может, не слышит, – произнесла свекровь. – Не все обязаны сидеть с телефоном в руках.

– Конечно, не обязаны. Я ещё раз наберу.

Во второй раз Зоя тоже не ответила. Я открыла нашу переписку. Перед глазами расплывались строчки, хотя ещё утром я без очков читала на пакете состав ткани.

– Вот, пожалуйста. «Марина, во вторник к шести сможете? Карниз уже будут заканчивать». Это она мне пишет. А вот фотографии ткани, вот мы ширину обсуждаем. Посмотри, – попросила я, подвигая телефон к мужу. – Тут весь заказ, с первого дня.

Илья опустил взгляд на экран, но в руки телефон не взял.

– А кто говорит, что заказа не было? Очень удобно, когда

есть зачем приехать.

Я несколько раз моргнула, глядя на него.

– То есть ты сейчас любой мой ответ будешь так объяснять? Есть заказ – значит, удобно. Нет заказа – значит, специально приехала. А что я должна показать, чтобы ты хотя бы допустил, что ничего не было?

– Ты должна перестать меня за идиота держать, Марин, – сказал он уже громче. На шее у него выступили красные пятна. – Я вижу, как он тебя обнимает. Не чужую женщину, которую случайно придержал, а тебя. И ты не отстраняешься, тебе нормально.

– Да потому что я падала! Куда мне было отстраняться, на пол? Чёрт, ну ты хотя бы сам на секунду подумай!

Я услышала собственный крик и прижала ладонь ко рту. В квартире стало тихо. Из духовки ещё доносилось слабое потрескивание остывающего металла.

Нина Павловна смотрела на меня с выражением терпеливого неодобрения, которое я знала много лет. Обычно так она смотрела, когда я отказывалась ехать к ней в единственный свободный выходной или говорила, что Даша сама выберет, куда поступать.

– Не всё на запись попало, Марина, – произнесла она наконец. – Зоя ведь не только это видела.

У меня похолодели пальцы.

– Что именно она видела? Вы говорите прямо, пожалуйста, а то я уже перестаю понимать.

Свекровь вздохнула, будто я заставляла её заниматься чем-то особенно неприятным.

– Она сказала, что вы целовались. Когда она из кухни вернулась, вы сразу отошли друг от друга. И Сергей этот у тебя, видимо, не первый день появился.

Я смотрела на неё и никак не могла ответить. Мне просто не укладывалось в голове, как можно спокойно сидеть за моим столом, возле приготовленной мной еды, и говорить такое.

– Мы не целовались, – сказала я наконец. Голос получился хриплым, пришлось прочистить горло. – Нина Павловна, этого не было. Зоя не могла такого видеть.

– Значит, она врёт? – Илья подался вперёд, упираясь ладонями в стол. – И мама, получается, тоже? Все врут, одна ты всё правильно рассказываешь?

– Я не знаю, почему она это сказала! Я там была, Илья, я помню, что происходило. Зоя чайник ставила, потом принесла чашки, мы втроём чай пили. Позвони Сергею, я дам номер. Он тебе то же самое расскажет.

Муж коротко, зло усмехнулся.

– Ну конечно. Сейчас я ещё у него спрошу, спал он с моей женой или нет.

У меня задрожал подбородок. Сколько я ни сжимала губы, остановить слёзы уже не получалось.

– Не говори так, пожалуйста. Ты можешь злиться, можешь ревновать, но не надо со мной так разговаривать, – выгово-

рила я. – Я тебе не изменяла. Ни с Сергеем, ни с кем-то ещё.

Илья отвернулся к окну. Нина Павловна полезла в сумку, достала бумажный платок и протянула мне. Я посмотрела на её руку, но не взяла.

– Марина, ну зачем ты всё усложняешь? – спросила она почти ласково. – Бывает, человек ошибся. Можно хотя бы честно признаться, а не заставлять мужа вот так из тебя каждое слово вытягивать.

– Вы от меня сейчас признания ждёте в том, чего не было? – Я вытерла щёки пальцами и посмотрела на неё. – Чтобы вам всем удобнее стало? Ну скажу я то, что вы хотите услышать, и что дальше?

– Маму оставь в покое, – резко сказал Илья. – Она здесь вообще ни при чём.

Он произнёс это сразу, не задумавшись. Я знала эту фразу почти наизусть. Обычно после неё мне оставалось замолчать, иначе разговор переходил уже не к тому, что произошло, а к моему тону, моей неблагодарности и моему нежеланию понять пожилого человека.

Только сегодня я не могла замолчать.

– А я здесь при чём, Илья? Со мной кто-нибудь вообще собирается разговаривать, а не обвинять? Ты пришёл, показал мне несколько секунд непонятно как обрезанной записи и уже решил, что всё знаешь. Я тебе объясняю, а ты даже слушать не хочешь!

– Я тебя слушаю уже полчаса, и ничего нового ты не ска-

зала.

– Потому что у меня нет другой истории! Есть одна, настоящая, и я её тебе рассказываю!

Я сорвалась на крик и сама испугалась того, как громко прозвучал мой голос в маленькой кухне. Илья отошёл к двери. Нина Павловна тяжело поднялась со стула, придерживаясь за край стола.

– Наверное, мне лучше уйти. При мне Марина всё равно ничего не скажет, только ещё больше заведётся, – произнесла она, разглаживая юбку на бёдрах. – Илюша, вызови мне машину, пожалуйста.

Я почти сказала, что он может поехать вместе с ней. Слова уже были готовы, злые, обидные, но я удержала их. Мне хотелось остаться с мужем вдвоём, без её вздохов, без чужих пересказов, без этого спокойного голоса, который звучал так, будто я уже во всём призналась, а теперь только портила людям вечер.

Пока Илья вызывал такси, я стояла возле плиты. Пар от горячего больше не шёл. На салате темнел срез огурца, свечи возле торта так и оставались незажжёнными.

Из прихожей донёсся голос свекрови:

– Ты поешь хотя бы, а то с обеда ничего не ел. И не нервничай так, у тебя опять давление поднимется.

Илья что-то ответил негромко. Когда дверь закрылась за ними, я быстро набрала Зою ещё раз. Дождалась гудков, написала сообщение: «Позвоните мне. Срочно. Что вы сказали

Нине Павловне?»

Сообщение ушло, но прочитанным не стало. Я села на край стула и попыталась перестать плакать до возвращения мужа. Нам нужно было поговорить нормально. Если я снова начну кричать, он зацепится за это, и всё пойдёт по кругу.

Я умылась холодной водой, промокнула лицо полотенцем. Тушь всё равно немного осталась под глазами, а на платье возле воротника оказалось мокрое пятно.

Илья вернулся минут через десять. Остановился в дверях кухни, посмотрел на стол.

– Ты есть будешь? – спросила я прежде, чем успела подумать.

Он поморщился.

– Марин, ну какое сейчас есть? Ты серьёзно?

Я опустила глаза на прихватку, которую опять зачем-то держала в руках.

– Не знаю. Я уже не знаю, что мне говорить, чтобы ты не злился.

Он сел напротив, на то самое место, где я представляла его ещё час назад. Только между нами теперь стояли не бокалы, а оба телефона, и я боялась даже случайно коснуться его руки.

– Когда тебе это показали? – спросила я.

– Сегодня после обеда. Мама позвонила, попросила приехать.

Я вспомнила, как в это время выбирала торт и отправи-

ла ему фотографию двух коробок. Он ответил: «Бери какой нравится». Наверное, уже всё знал.

– И ты до вечера ничего у меня не спросил?

– Я хотел посмотреть, как ты себя поведёшь.

Мне стало так неприятно, что я выпрямилась на стуле.

– А как я должна была себя вести? Я тебя ждала. Ужин готовила, платье надела… Ты что хотел увидеть?

Илья потёр лицо ладонями.

– Не надо сейчас про платье, пожалуйста. И про день рождения не надо. Мне от этого не легче.

– А мне легче, по-твоему?

Он поднял голову, но я продолжила, пока снова не потеряла решимость:

– Посмотри на меня. Не на телефон, не в окно, а на меня. Мы двадцать три года вместе прожили. Ты правда считаешь, что я могу сидеть перед тобой и вот так врать? Что я пришла бы домой после любовника и рассказывала тебе, как мне шторы не с первого раза удалось выровнять?

Несколько секунд он смотрел мне в лицо, и я вдруг увидела не только злость. Он тоже был испуган, растерян, обижен, не понимал, что ему делать.

Я хорошо знала это выражение. Так он смотрел на меня в больничном коридоре, когда маленькую Дашу увезли на обследование, а нам велели ждать. Тогда я взяла его за руку, и он сжал мои пальцы так сильно, что потом остались следы.

Сейчас я тоже протянула руку.

– Илюш, ну пожалуйста. Давай завтра вместе к Зое съездим. Не будем сейчас ничего решать. Пусть она при мне повторит, что якобы видела. Я же от этого не прячусь.

Он посмотрел на мою ладонь, лежавшую рядом с его рукой, и убрал свою.

– Ты в последнее время всё время где-то. То за тканью, то на замеры, теперь ещё мастерскую тебе понадобилось снимать. Я уже иногда не знаю, когда ты дома бываешь.

– Потому что я работаю. Ты же сам говорил, что хорошо, когда у меня снова появились заказы.

– Я говорил про работу, а не про то, что ты со старым дружком будешь по квартирам встречаться.

Я отдёрнула руку. Он сразу понял, что сказал. Это было видно по тому, как изменилось его лицо, как на секунду приоткрылись губы. Я ждала, что он остановится, хотя бы извинится за эти слова. Но Илья только отвёл взгляд.

– Я не смогу сейчас с тобой нормально разговаривать, – проговорил он, поднимаясь. – Давай закончим на сегодня.

– А что мы закончим? Ты мне обвинение предъявил, а отвечать на него не разрешаешь. Куда мне с этим до завтра деться?

– Я тебя никуда не гоню, Марина. Просто оставь меня сейчас в покое.

Он вышел из кухни. Я слышала, как открылась дверь Дашиной комнаты, потом скрипнул диван. Немного погодя Илья прошёл в спальню, выдвинул ящик шкафа и вернулся

с подушкой и сложенным одеялом.

Я стояла в коридоре. Он увидел меня, задержался на секунду, но ничего не сказал.

Мне очень хотелось пойти следом. Сесть рядом, снова начать объяснять, добраться наконец до того Ильи, который утром обнимал меня и ворчал, что я холодными ногами лезу под его одеяло.

Я даже сделала шаг к двери. Потом из комнаты донёсся его голос:

– Да, мам, я дома. Нет, она ничего не признаёт… Я понял, не надо ещё раз.

Я остановилась. По коридору всё ещё тянуло запахом приготовленного ужина. В зеркале отражалась женщина в бордовом платье, с красным носом и размазанной тушью. Я посмотрела на себя и отвернулась.

На кухне закрыла форму фольгой, убрала салат в холодильник и долго не могла пристроить коробку с тортом. Она не проходила между полками. Пришлось переставлять кастрюлю, вытаскивать банку с огурцами, и эта мелкая возня почему-то довела меня до новых слёз.

Телефон снова завибрировал. Даша написала: «Ну что, посмотрели? Папа узнал себя в конце?»

Я открыла её сообщение, но на видео нажать не смогла. Ответила только: «Спасибо, моя хорошая. Очень тебя люблю».

Через несколько минут Илья вышел за водой. Я сидела у

стола, всё ещё в платье, хотя давно пора было переодеться. Он достал стакан, налил из фильтра. Я смотрела, как он пьёт, и понимала, что не выдержу до утра.

– Ты завтра Зое позвонишь? – спросила я. – Мне важно знать, что ты хотя бы попробуешь разобраться.

Илья поставил стакан возле раковины и долго смотрел на него, словно подбирал слова.

– Я сегодня уже достаточно услышал, Марин. Не надо больше никому звонить.

У меня снова затряслись руки. Я спрятала их под стол, прижала к коленям.

– То есть мне можно вообще ничего не говорить? Ты уже всё решил?

Он наконец повернулся ко мне. Выглядел уставшим, каким-то постаревшим за этот вечер, и от этого я на секунду почти пожалела его.

– Я не смогу дальше с тобой жить и каждый раз думать, где ты была и с кем. Может, ты сейчас считаешь, что я погорячился, но это не пройдёт, я себя знаю, – сказал он. Глаза у него покраснели, однако смотрел он прямо. – Я хочу развестись, Марина.

Я открыла рот, собираясь снова сказать, что ничего не было. Илья ждал ответа, держась за спинку стула, а я сидела перед ним и никак не могла заставить себя повторить эти слова ещё раз.

Глава 2. Я ушла не потому, что признала вину

Утром Илья поставил на стол две чашки. Я увидела это из коридора и на несколько секунд задержалась у двери. Моя чашка стояла на привычном месте, рядом с сахарницей. В ней уже темнел чай, а на блюдце лежала ложка, которую муж всегда доставал, хотя знал, что сахар я не кладу.

От этой ложки мне захотелось плакать сильнее, чем от всего, что он сказал накануне.

Я почти не спала. Сначала лежала на своём краю кровати, прислушиваясь к звукам из Дашиной комнаты, потом вставала попить, возвращалась и снова смотрела в темноту. Под утро всё-таки задремала, а проснувшись, несколько секунд не могла понять, почему так тяжело дышать.

Платье висело на спинке стула. Вчера я аккуратно расправила подол, прежде чем лечь, словно боялась испортить единственное, что ещё можно было сохранить в порядке.

– Доброе утро. Ты сегодня позже поедешь? – спросила я, входя на кухню.

Илья стоял возле столешницы и резал хлеб. На нём были домашние брюки и старая футболка, выцветшая на плечах.

– Я позвонил, сказал, что задержусь. Всё равно сейчас из меня никакой работник, – ответил он, не поднимая головы.

– Чай тебе налил, пока горячий.

Я села и обхватила чашку ладонями. Мы не поздоровались как обычно. Он не поцеловал меня в макушку, проходя мимо, я не спросила, что положить ему с собой. Но чай был налит, хлеб нарезан, и я ухватилась за эту обыденность с такой надеждой, что даже выпрямилась.

– Илюш, давай ещё раз поговорим. Только спокойно, хорошо? Вчера мы оба уже ничего не соображали.

Он положил нож возле доски и опёрся ладонями о край столешницы.

– Я соображал, Марин. Мне было очень неприятно, но я понимал, что говорю.

– Тогда хотя бы выслушай меня до конца. Без мамы, без этих постоянных замечаний, что я не так смотрю и не тем голосом отвечаю. Я всю ночь думала, как тебе объяснить…

– А я всю ночь думал, как давно это продолжается, – перебил он и наконец повернулся. Под глазами у него залегли тени. – Ты можешь мне хотя бы на этот вопрос честно ответить?

Чашка обжигала пальцы. Я осторожно поставила её на блюдце.

– Ничего не продолжается. Я не знаю, как ещё это сказать, чтобы ты услышал. Ты задаёшь вопрос так, будто всё уже было, а мне осталось только дату назвать.

– Потому что я видел запись.

– Ты видел, как человек помог мне слезть со стремянки. И

ещё тебе пересказали то, чего не было. Я не прошу поверить мне просто потому, что я плачу. Давай проверим. Поедем к Зое, поговорим с ней при мне. Сергей тоже может приехать.

Илья потёр переносицу и сел напротив.

– Ты понимаешь, как это будет выглядеть? Я приеду выяснять у какого-то мужика, что у него с моей женой, а вы будете смотреть на меня и делать дураком?

– Да почему ты уже уверен, что мы с ним о чём-то договорились? – спросила я. Голос начал срываться, и я заставила себя говорить медленнее. – Я вчера тебя первый раз за двадцать три года не узнавала. Ты меня даже не спрашивал, ты сразу всё решил.

Он отломил кусочек хлеба, покрутил в пальцах и положил обратно на тарелку.

– Мама не стала бы просто так такое рассказывать. Ей самой было тяжело мне это показывать.

Я посмотрела на его руки. На знакомую царапину возле большого пальца, которую он получил в воскресенье, когда менял ручку на шкафчике. Я ещё ворчала, что надо было надеть перчатки, а он смеялся и пытался обнять меня испачканными руками. С тех пор не прошло и недели.

– А я стала бы просто так тебе врать? – спросила я. – Илья, почему с мамой у тебя всё сразу понятно, а со мной нет? Ты со мной живёшь, не с Зоей. Ты знаешь, какая я.

Он откинулся на спинку стула.

– Мне казалось, что знаю. Но ты в последнее время очень

изменилась.

Я ждала продолжения, не решаясь даже пошевелиться.

– Всё у тебя теперь работа, заказы, Оксана. Вечером сидишь в телефоне, кому-то отвечаешь. Теперь ещё это место в ателье собралась снимать. Я иногда прихожу, а ты даже не замечаешь.

– Я замечаю. Просто не всегда могу сразу всё бросить, – сказала я, чувствуя, как внутри поднимается усталая злость. – Ты же сам радовался, когда у меня снова появились клиенты. Помнишь, как я первый большой заказ закончила? Ты ещё шампанское купил.

– Я не против работы. Не надо сейчас делать вид, будто я тебе шить запрещал.

– Я и не делаю. Я пытаюсь понять, когда моя работа стала доказательством того, что я тебе изменяю.

Илья поджал губы и посмотрел в окно. Некоторое время мы молчали. За стеной кто-то включил воду, по трубам прошёл привычный шум. На подоконнике лежал засохший лист от моего цветка, и я поймала себя на желании встать, убрать его, заодно протереть пыль возле горшка. Мне всегда становилось немного легче, если можно было занять руки.

– Зоя тебе ответила? – спросил муж.

Я взяла телефон. Вчерашнее сообщение оставалось без ответа. Я ещё ночью проверяла его несколько раз, хотя понимала, что от моего взгляда на экран ничего не изменится.

– Пока нет. Я сегодня ещё попробую с ней связаться.

– Ну вот. Может, ей тоже неприятно во всём этом участвовать.

Я подняла глаза.

– А мне, по-твоему, приятно? Ты хотя бы представляешь, что со мной сейчас происходит?

Он посмотрел на меня, и на секунду его лицо смягчилось. Я даже подумала, что он сейчас протянет руку. Но Илья только придвинул ко мне тарелку с хлебом.

– Поешь что-нибудь. Ты вчера тоже ничего не ела.

От этой заботы стало почти невыносимо. Я могла бы проглотить хлеб, выпить чай, спросить, где лежат его чистые носки. Мы умели проживать тяжёлые дни вместе. Болели, теряли близких, считали деньги до зарплаты. И каждый раз у меня оставалось ощущение, что мы хотя бы на одной стороне.

Сейчас он сидел напротив и ждал, когда я признаюсь.

В дверь позвонили, прежде чем я успела что-то ответить. Илья сразу встал, а я услышала в прихожей голос Нины Павловны, шорох пакетов и её привычное:

– Осторожно, Илюша, там банка, не урони. Я в полотенце завернула, ещё тёплое.

Когда свекровь появилась на кухне, я всё ещё сидела над нетронутым чаем.

– Здравствуй, Марина. Вы уже позавтракали? – спросила она, окинув взглядом стол. – Я тут суп принесла и котлеты. Всё равно вчера готовила, думаю, занесу.

На ней был светлый свитер с узором у воротника. Волосы уложены, на губах розоватая помада. Она пахла улицей и своим привычным кремом для рук. Я почему-то посмотрела на собственный халат. На рукаве возле локтя торчала нитка.

– У нас есть еда. Я вчера курицу запекала, почти всё осталось, – сказала я.

– Ну пусть будет и суп, разве помешает? Илюша жидкого хоть поест, а то у него опять желудок начнёт болеть.

Она прошла к холодильнику, открыла дверцу и немного постояла, разглядывая полки. Потом достала коробку с тортом.

– Это куда переставить? Здесь банке места нет.

– Оставьте на столе, я сама уберу, – ответила я и встала так резко, что ложка звякнула о блюдце.

Нина Павловна посмотрела на меня, потом на сына, но ничего не сказала. Илья взял у неё банку и принялся разворачивать полотенце. Я стояла рядом со своей чашкой и чувствовала себя лишней на кухне, которую вчера ещё считала самой уютной комнатой в доме.

– Нина Павловна, нам с Ильёй нужно поговорить вдвоём, – произнесла я. – Мы как раз начали, когда вы пришли.

– Так разговаривайте, я же не мешаю. Сейчас всё поставлю и посижу в комнате.

– Мне бы хотелось, чтобы мы остались одни.

Свекровь медленно сложила пустой пакет. Провела ладонью по сгибу, убрала его в сумку и только потом ответила:

– Марина, я приехала к сыну. Он вчера был в таком состоянии, что я полночи не спала. По-моему, ничего странного в том, что я хочу его увидеть.

Илья поставил банку на стол.

– Марин, ну зачем ты опять начинаешь? Мама еду принесла, не ругаться пришла.

– Я тоже не ругаюсь. Я прошу дать нам поговорить без посторонних.

– Значит, я теперь посторонняя, – тихо сказала Нина Павловна. Она опустилась на стул, положив сумку на колени. – Хорошо, я поняла.

Мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ответить сразу.

– Вы его мать. Но я хочу поговорить со своим мужем. Это не одно и то же, и вы прекрасно понимаете, о чём я.

– Да поговорили мы уже, – устало произнёс Илья. – Ты снова всё то же самое скажешь. Что я неправильно увидел, мама неправильно услышала, а Зоя вообще непонятно зачем врёт.

Я посмотрела на него. Он стоял между мной и плитой, держа в руках полотенце, в которое была завёрнута банка. Даже сейчас он больше заботился о том, чтобы мать не обиделась.

Я вдруг поняла, что если останусь здесь ещё на несколько часов, то начну кричать так, что меня услышат на лестничной площадке. Буду хватать его за руки, заставлять смотреть на меня, снова и снова повторять одни и те же слова. А он

потом скажет, что со мной невозможно разговаривать.

– Мне нужно позвонить, – сказала я и вышла из кухни.

В спальне я закрыла дверь, села на кровать и нашла номер Оксаны. Она ответила не сразу. Я слышала приглушённые голоса, потом скрип двери, и только после этого подруга заговорила:

– Мариш, привет. Я сейчас на минутку вышла, у меня клиентка в примерочной. Ты как, отпраздновали?

Я открыла рот, но вместо ответа пришлось несколько раз вдохнуть.

– Оксан, можно я к тебе на пару дней? Только ты скажи честно, если неудобно. Я тогда что-нибудь другое придумаю.

На том конце стало тихо.

– Конечно можно. Ты мне лучше объясни, что случилось. Вы с Ильёй поругались?

– Он хочет развестись, – сказала я и уставилась на складку на покрывале. – Думает, что у меня кто-то есть. Ему вчера мать видео показала, с того заказа у Зои. Там мужчина помог мне со стремянки слезть, а они решили…

Голос окончательно пропал. Я прижала пальцы к губам и попыталась сглотнуть.

– Марин, подожди, я не поняла. Какой мужчина? Ты же туда шторы возила.

– Да, шторы. Там Сергей оказался, мы с ним в школе вместе учились. Он карниз ставил. Господи, я даже не знаю, как это всё объяснить, чтобы не звучало так, будто я оправдыва-

юсь.

– Мне ты ничего доказывать не должна. Приезжай в ателье, я после примерки освобожусь, посидим. Потом домой вместе поедем, – сказала Оксана уже совсем другим голосом. – Ты сейчас одна?

– Нет, они оба здесь. Нина Павловна с утра пришла. Я попросила её уйти, но, видимо, зря.

– Понятно, – выдохнула подруга, и я услышала, как она чем-то стукнула. – Ой, господи, Маринка… Приезжай. Только паспорт, карточку и зарядку не забудь, а то ты сейчас соберёшь три свитера и больше ничего. Остальное на месте разберём.

– У тебя муж не будет против? Я не хочу вам…

– Я ему сама позвоню. У нас диван есть, подушка тоже найдётся, не придумывай лишних трудностей. И ты меня потом точно так же пустишь, если понадобится, договорились?

Я кивнула, хотя она не могла этого видеть.

– Спасибо. Я сейчас соберусь и приеду.

После разговора я ещё немного посидела на кровати. Из кухни доносились голоса. Нина Павловна что-то рассказывала, Илья отвечал коротко. Слов я не разбирала и старалась не вслушиваться.

Сумка лежала на верхней полке шкафа. Серая, дорожная, с тугой молнией. Мы брали её на дачу, когда собирались остаться на выходные. Обычно я складывала туда вещи на двоих и потом всё равно забывала что-нибудь своё, пото-

му что вспоминала про мужнину запасную футболку, носки, средство от комаров.

Теперь сумка показалась слишком большой.

Я положила в неё джинсы, свитер, бельё. Достала ещё одну кофту, подумала и убрала обратно. Потом снова достала. На сколько я уходила – на два дня, на неделю? Что надо взять женщине, которая вчера накрывала стол ко дню рождения, а сегодня не может находиться в собственной квартире?

На комоде лежало чистое бельё, которое я не успела разнести по шкафам. Перебирая вещи, я автоматически отделила Ильину домашнюю футболку и положила её на его край кровати. Он обычно переодевался после душа и обязательно спрашивал, куда я опять всё убрала.

Я уже потянулась за следующей вещью, когда заметила, что делаю. Футболка так и осталась на покрывале.

Я переоделась, собрала в ванной зубную щётку, крем, расчёску. Долго смотрела на стаканчик, в котором рядом стояли наши щётки. Потом вытащила свою, обернула бумажным полотенцем и положила в косметичку.

Когда я вернулась в спальню, в дверях стоял Илья. Он посмотрел на сумку, на открытый шкаф, потом на меня.

– Ты куда собираешься? – спросил он. – Я вроде не говорил, что тебе нужно сейчас уходить.

– К Оксане. Поживу у неё несколько дней.

– Уже позвонила, значит?

Я застегнула косметичку и убрала её в боковой карман.

– Да, позвонила. Мне нужно где-то ночевать, если я ухожу.

Он провёл рукой по волосам. На макушке торчала прядь, которую он не успел пригладить после сна.

– И, конечно, всё ей рассказала.

– А что я должна была сказать? Что захотела к ней в гости с вещами?

– Можно было сначала между собой разобраться.

Я медленно выпрямилась.

– Илья, я с самого утра пытаюсь. Вчера пыталась. Ты мне каждый раз объясняешь, что уже достаточно услышал. А сейчас получается, что я слишком рано попросила подругу пустить меня на диван?

Он отвёл глаза к кровати и заметил свою футболку. На мгновение мне стало стыдно – непонятно за что. За то, что даже теперь я продолжала о нём заботиться, когда он уже мысленно готовился жить без меня.

– Я тебя не выгоняю, – повторил он тише.

– Я знаю. Я сама ухожу, потому что сейчас здесь не могу.

Илья постоял ещё немного и отступил в коридор. Я положила в сумку паспорт, кошелёк, зарядное устройство. Ключи убрала в карман джинсов, потом зачем-то проверила, на месте ли они.

Нина Павловна появилась, когда я уже надевала ботинки.

– Может, так и лучше, – сказала она, глядя на сумку. – Вам обоим нужно успокоиться, подумать. В таком состоянии всё равно ничего хорошего не решите.

Я завязала шнурок и подняла голову.

– Я ухожу не потому, что мне нечего сказать, Нина Павловна. И не потому, что я признала то, в чём вы меня обвиняете.

– Да кто тебя обвиняет? Мы хотим понять, что происходит.

Я посмотрела на неё, но отвечать не стала. Мне вдруг стало совершенно ясно, что ещё один разговор будет таким же, как все предыдущие.

Илья вышел из кухни и остановился возле вешалки.

– Я заеду за остальными вещами, когда понадобится, – сказала я ему. – Ключи у меня остаются. И насчёт квартиры без меня ничего не решай, пожалуйста. Она у нас общая.

Он нахмурился.

– Я вообще сейчас не о квартире думаю.

– А мне приходится. Я не знаю, о чём ты будешь думать завтра и что вы ещё успеете обсудить.

Нина Павловна выпрямилась, но Илья опередил её:

– Никто ничего не собирается решать у тебя за спиной. Не надо заранее со мной воевать.

Я натянула куртку. Рукав зацепился за часы, пришлось высвобождать ткань дрожащими пальцами.

– Я не воюю. Я хочу, чтобы ты правильно понял, почему я сейчас ухожу.

Он взял сумку за ручку.

– Давай хотя бы вниз спущу. Она же тяжёлая.

Мне очень захотелось согласиться. Чтобы он вышел следом, постоял со мной у лифта, как раньше. Чтобы на лестнице, без матери, вдруг спросил не про Сергея, а про меня. Сказал хоть что-нибудь, от чего можно было бы остаться.

Я забрала ручку сумки из его пальцев.

– Не надо, я донесу. Такси уже подъезжает.

Илья опустил руку. Дверь он закрыл не сразу. Пока я ждала лифт, за спиной оставалась узкая полоса света из прихожей. Я чувствовала, что он всё ещё стоит там, но не оборачивалась.

Когда створки лифта наконец разошлись, я неловко втащила сумку внутрь и только тогда услышала щелчок замка.

* * *

В ателье пахло нагретой тканью и кофе. Оксана встретила меня у двери, посмотрела в лицо и сразу забрала сумку, не спрашивая, тяжёлая ли она.

– Проходи туда, за занавеску. У меня сейчас женщина платье заберёт, я её отпущу и приду, – сказала она. Потом провела ладонью по моему плечу и добавила уже тише: – Я чай поставила. Ты с сахаром выпей, пожалуйста, а то на тебя смотреть страшно.

Я послушно ушла в маленькое помещение за рабочим залом. Там стояли стол, два стула и узкий шкаф с пакетами. Возле чайника лежало открытое печенье.

На одном из стульев была сложена подкладочная ткань. Я убрала её на полку, села и только тогда поняла, как сильно

устала.

За занавеской Оксана разговаривала с клиенткой. Объясняла, что платье лучше не стирать в горячей воде, показывала, где оставила припуск. Голос у неё был обычный, рабочий. Мне хотелось выйти и встать рядом, взять сантиметр, расправить ткань, заняться чем-нибудь, в чём я точно понимала, что делать.

Когда клиентка ушла, Оксана принесла два бутерброда.

– Другой еды пока нет, прости. Я собиралась в магазин после работы, – сказала она, садясь напротив. – Давай сначала поешь, потом расскажешь. Или рассказывай и ешь, мне всё равно, только не сиди над пустой чашкой.

Я взяла бутерброд, хотя от одного вида еды подступила тошнота.

Оксана слушала, почти не перебивая. Несколько раз открывала рот, собираясь что-то сказать, но удерживалась. Только когда я дошла до рассказа о поцелуе, она резко отодвинулась от стола.

– Подожди, Зоя сама тебе это сказала или Нина Павловна пересказала?

– Нина Павловна. Зоя мне не отвечает.

– А запись у тебя есть?

Я покачала головой.

– У Ильи. Он показал, потом забрал телефон. Я даже нормально пересмотреть не успела.

Оксана помолчала, глядя на свои руки.

– Значит, надо получить запись и поговорить с Зоей. Только не пытайся сейчас за один день всё сделать, ты еле сидишь.

– Я всё время думаю: может, я как-то не так объясняла? Начала кричать, потом про его мать сказала. Надо было спокойнее…

– Марин, ну ты же не на экзамене отвечала, – возразила она, нахмурившись. – Тебя в твоём доме обвинили чёрт знает в чём. Конечно, ты расплакалась. Он не мог этого не понимать.

Я откусила хлеб, долго жевала и только со второй попытки смогла проглотить.

Оксана больше не расспрашивала. Ей позвонили по работе, потом пришла ещё одна клиентка. Я осталась за занавеской и принялась разбирать коробку с нитками, хотя подруга меня ни о чём не просила.

До вечера я несколько раз проверила телефон. Ни Илья, ни Зоя не звонили.

* * *

Дома у Оксаны было тепло и шумел старый холодильник. Я знала этот звук: бывала у неё много раз, сидела на этой кухне, помогала накрывать стол, спорила с подругой о том, стоит ли переклеивать обои. Только раньше у меня всегда был дом, куда я возвращалась.

– Муж сегодня поздно придёт, он уже знает, что ты у нас, – сказала Оксана, снимая куртку. – В зале сейчас немного

разгребём, там диван нормально раскладывается. Я на нём летом спала, когда жарко было.

Она говорила нарочито буднично, и я была ей за это благодарна. Мы разогрели гречку с мясом, нарезали помидоры. Я даже смогла немного поесть. Оксана рассказывала про клиентку, которая просила ушить платье, но категорически запрещала трогать швы, и я в какой-то момент улыбнулась.

Потом сама испугалась этой улыбки. Будто за те несколько секунд, когда я слушала подругу, произошло что-то неправильное. У меня рушилась семья, а я сидела на чужой кухне и почти смеялась.

После ужина я принялась мыть посуду. Оксана сначала пыталась отобрать у меня губку, потом махнула рукой и стала вытирать тарелки. Мы двигались рядом, иногда задевали друг друга локтями. Я спросила, куда поставить кастрюлю, она показала нижний шкаф. Мы обсудили, что завтра надо купить хлеба. Все эти мелочи помогали немного отвлечься.

Когда посуда закончилась, Оксана открыла шкаф в коридоре и достала постельное бельё.

– Тут два комплекта, один хлопковый, другой какой-то скользкий, мне его подарили. Давай хлопковый, на том всё время подушка уезжает, – сказала она, протягивая мне аккуратную стопку. – Одеяло сейчас принесу. Ты ночью мёрзнешь или тебе потоньше?

Я взяла бельё и не смогла ответить. Вчера утром я меняла постель дома. Достала наш светлый комплект, расправила

простыню, долго заправляла край со стороны Ильи, где матрас всё время съезжал. Я помнила, как подумала: вечером будет приятно лечь в чистое.

Оксана вернулась с одеялом и остановилась возле двери.

– Мариш, ты чего? Тебе плохо?

Я попыталась покачать головой, но губы уже дрожали. Слёзы хлынули так быстро, что я не успела отвернуться. Я стояла посреди чужой комнаты с пододеяльником в руках и плакала, не в силах даже положить его на диван.

Оксана забрала у меня бельё, бросила рядом и обняла. Я уткнулась ей в плечо.

– Я всё время жду, что он позвонит, – выговорила я сквозь слёзы. – Представляешь? Сижу у тебя, что-то делаю, разговариваю, а сама только телефон слушаю. Думаю, сейчас он поймёт. Скажет, что погорячился, что надо вместе разобраться. Я ведь даже не хочу, чтобы он красиво извинялся, мне бы только услышать, что он больше не считает меня…

Договорить я не смогла. Оксана крепче прижала меня к себе.

– Ох, Маринка… Я бы ему сейчас сама позвонила, честное слово. Только от моего звонка лучше не станет.

– Я же люблю его, Оксан. Вчера ненавидела, пока он это говорил, а сегодня он мне чай налил, и я уже обрадовалась. От одной чашки, понимаешь? Как будто всё можно ещё исправить.

Подруга отстранилась, посмотрела мне в лицо и вытерла

большим пальцем мокрую щёку.

– Понимаю. Вы столько лет вместе, куда это всё за ночь денется? Только сегодня уже не звони ему сама. Ты и так весь день пытаешься до него достучаться.

Мы сели на диван. Я ещё долго не могла успокоиться, то затихала, то снова начинала плакать. Оксана принесла воду, салфетки, потом молча натянула наволочку на подушку.

Телефон лежал рядом с моей сумкой. Когда он завибрировал, я потянулась к нему так быстро, что едва не опрокинула стакан.

На экране было Дашино имя. Я открыла сообщение.

«Мам, мне папа позвонил. Сказал, что у тебя другой мужчина и сегодня ты собрала вещи и ушла. Что у вас происходит? Пожалуйста, ответь. Почему я узнаю всё это от него?»

Оксана что-то спросила, но я не сразу расслышала. Я перечитала сообщение, вытерла лицо салфеткой и нажала на вызов, пока дочь не успела поверить, что я молчу потому, что мне нечего ей сказать.

Глава 3. Ты мог хотя бы посмотреть

Даша ответила почти сразу. По тому, как она торопливо вдохнула перед первым словом, я поняла, что дочь тоже плакала.

– Мам, ну что у вас случилось? Папа позвонил, наговорил такого… Я сначала вообще подумала, что вы просто сильно поругались, а он потом сказал, что ты вещи собрала и ушла.

Я поднялась с дивана и прошла на кухню. Оксана не стала меня останавливать, только убрала со стола пустую чашку и прикрыла за мной дверь.

– Я у тёти Оксаны, Даш. На несколько дней приехала, пока мы с папой… пока я не пойму, что делать дальше.

Сказать «пока мы с папой разберёмся» не получилось. Я уже не была уверена, что он собирается в чём-то разбираться.

– А почему он говорит, что у тебя другой мужчина? Мам, я не понимаю, откуда он вообще взялся. Ты мне ничего не рассказывала.

Я села на табурет и прижала свободную ладонь к колену, чтобы она перестала дрожать.

– Потому что рассказывать нечего. Нет у меня другого мужчины. Папе показали кусочек видео с моего заказа, а по-

том сказали, будто я там с кем-то целовалась. Этого не было, Даш. Я ездила работать, ты же знаешь, я сейчас шторы шью.

На том конце что-то зашуршало. Наверное, дочь тоже устраивалась поудобнее, готовясь к долгому разговору.

– Папа сказал, что сам видел. Не про шторы, а… Ну, что тебя там обнимают.

Я закрыла глаза. За сегодняшний день я столько раз произнесла слово «стремянка», что оно уже казалось нелепым. Не мог же наш брак закончиться из-за нескольких ступенек и чужой руки, которая не дала мне упасть.

Но Даша была ни в чём не виновата, и я рассказала всё ещё раз. Медленно, стараясь не перескакивать с одного на другое. Про заказ Зои, про Сергея, которого не ожидала встретить, про примерку и короткую запись.

Дочь слушала, не перебивая. Только когда я назвала Сергея, переспросила:

– Это тот, с которым ты училась? У тебя ещё фотография была, где вы весь класс на лестнице стоите?

– Да, тот самый. Мы когда-то встречались, совсем молодыми, ещё до папы. И папа об этом знал, я никогда не скрывала.

– А ты ему переписку с заказчицей показывала? Ну там же должно быть видно, зачем ты приехала.

От этих слов у меня снова защипало глаза. Дочь первым делом спросила о том, что муж даже смотреть не захотел.

– Показывала, Даш. Он говорит, что заказ ничего не до-

казывает.

– Подожди… А что тогда доказывает? – Голос у неё стал громче. – Мам, почему вы говорите совершенно разное? Я что теперь должна думать?

– Я тебе не для этого звоню. Не чтобы ты между нами выбирала, – сказала я, глядя на свои пальцы. – Ты спросила, что происходит, я отвечаю. Мне только важно, чтобы ты знала: я папе не изменяла. А ушла потому, что находиться дома сейчас не могу. Мы пытаемся разговаривать, и каждый раз становится хуже.

Даша долго молчала. Я слышала, как у неё где-то на улице сигналит машина.

– Ты одна дома? – спросила я.

– Да, соседка к своим уехала. Мам, я могу к тебе приехать. Сейчас соберусь и приеду, только адрес напиши.

Мне очень хотелось сказать: приезжай. Обнять её, уткнуться в волосы, услышать знакомое раздражённое «ну мам, ты меня задушишь». Но я представила, как дочь будет сидеть на Оксаниной кухне, смотреть на мои опухшие глаза и пытаться решить то, чего мы с её отцом решить не смогли.

– Уже поздно, моя хорошая. И я здесь не одна, со мной всё нормально. Ты завтра собиралась на день рождения, я помню. Давай только немного перенесём, ладно? Без торта и поздравлений, просто встретимся, когда я немного приду в себя.

– Ты не хочешь меня видеть? – спросила она тише, и я

сразу пожалела, что не подобрала других слов.

– Очень хочу. Я просто сейчас каждые десять минут плачу и сама на себя злюсь. Не хочу, чтобы ты ещё и за меня испугалась.

– Да я уже испугалась, мам, – ответила Даша. – Только ты не пропадай, пожалуйста. А то папа позвонил, рассказал, потом сказал, что ему тяжело и он говорить не может. Я сижу одна и не знаю даже, кому звонить.

Я провела ладонью по лицу.

– Мне звони. Даже если я плачу, всё равно звони, хорошо? Я от тебя никуда не пропадаю.

После разговора я ещё немного посидела на кухне. Оксана заглянула, спросила, не сделать ли чаю, и я покачала головой.

– Он уже Даше рассказал, – произнесла я. – Как будто это не подозрение, а всё точно известно. Даже не подумал, что она теперь со всем этим одна сидит.

Оксана опёрлась плечом о косяк.

– Поговорили хоть нормально?

– Не знаю. Она растеряна. Я бы тоже растерялась, если бы мне такое про родителей сказали.

Подруга кивнула и не стала добавлять ничего утешительного. Я была ей за это благодарна.

Спать снова не хотелось. Когда Оксана ушла в спальню, я устроилась под настольной лампой и открыла переписку с Зоей. Сначала прочитала её целиком, с самого первого со-

общения. Потом стала сохранять всё отдельно: фотографии образцов, договорённость о цене, перевод предоплаты, уточнение адреса. На одном снимке в кадр попал угол нашего кухонного стола. Я фотографировала ткань дома, пока Илья сидел напротив и ужинал.

Он ещё сказал, что цвет странный. «Да не себе же выбираю», – ответила я тогда. Я хорошо помнила этот разговор, а он теперь говорил, что не знает, где я бываю.

К двум часам ночи у меня разболелась голова. Я отправила Зое ещё одно сообщение с просьбой поговорить утром и нашла номер Сергея. Мы обменялись телефонами на примерке: он сказал, что иногда у его клиентов возникает вопрос не только с карнизами, но и со шторами.

Я смотрела на его имя и никак не могла придумать начало. В конце концов написала просто: «Сергей, мне нужно с тобой поговорить о заказе у Зои Михайловны. Позвони завтра, пожалуйста».

* * *

Утром я проснулась от запаха кофе. Муж Оксаны уже ушёл, сама она собиралась в ателье. На столе возле моей сумки стояла тарелка с двумя сырниками.

– Поешь, пока не засохли. Я вчера в магазине готовые взяла, жарить сама сил не было, – сказала подруга, застёгивая серьгу перед зеркалом. – Ключи на полке. Уходить никуда не обязана, можешь здесь отлежаться.

Я поблагодарила и пошла умываться. В ванной висело

выделенное для меня полотенце, светло-зелёное, с жёстким краем. Я долго вытирала им лицо, стараясь не смотреть в зеркало.

Сергей позвонил, когда я допивала кофе.

– Марина, привет. С заказом что-то не так? Зоя сказала, всё нормально получилось.

Он говорил на ходу. Я слышала шаги, потом хлопнула дверь машины.

– Со шторами всё нормально. Серёж, у меня к тебе очень неприятный разговор. Я даже не знаю, как начать.

– Да говори уже. Я сел, никуда не еду, могу слушать.

Мне было стыдно. Не за то, что произошло в квартире Зои, а за необходимость объяснять взрослому мужчине, почему его помощь вдруг превратили в доказательство моей измены.

Я всё-таки рассказала. Сергей сначала молчал, потом шумно выдохнул.

– Погоди. Они ту запись показывали, где я тебя со стремянки снимаю? Зоя же сама нас снимала. Там всё видно должно быть.

– Там не всё. Начинается с того места, где я уже за твоё плечо держусь. Ни как я наверху стояла, ни как спускалась.

– Ну замечательно, – проговорил он с неприятным смешком. – А саму стремянку из кадра убрали? Я тёте сколько раз говорил выкинуть эту рухлядь, она всё жалела.

Я потёрла висок. То, что Зоя ему тётя, выяснилось ещё во

время примерки. Тогда это показалось обычным совпадением. Мы даже немного поговорили об общих знакомых, пока она возилась на кухне с чайником.

– Серёж, она сказала, будто мы с тобой целовались.

На несколько секунд в трубке стало совсем тихо.

– Да ты что… Марин, она тебе сама это сказала?

– Нет. Моей свекрови, а та Илье. По крайней мере, мне так объяснили.

– Слушай, давай я ему позвоню. Или подъеду, поговорим нормально. Мне тоже, знаешь ли, неприятно, когда из меня такое делают.

– Я предлагала. Он считает, что ты в любом случае будешь меня прикрывать.

Сергей выругался вполголоса и сразу извинился.

– Ну а что тогда делать? Если он ни тебя, ни меня слушать не собирается… Давай хотя бы у Зои полную запись возьмём. Я ей сейчас наберу.

– Попробуй. Мне она со вчерашнего вечера не отвечает.

– Хорошо, я потом перезвоню. Только, Марин, ты не думай, что я сейчас скажу: сами там разбирайтесь. Я помню, как всё было. И если нужно будет повторить при твоём муже, повторю.

Я поблагодарила его и уже собиралась отключиться, когда Сергей добавил:

– Надо же было именно в тот вечер приехать. Я хотел утром карниз поставить, но тётя упёрлась, что ей только к

пяти удобно. Я ещё с другим заказом менялся.

Я посмотрела на лежавший передо мной листок, куда ночью выписала даты.

– Она сказала, почему?

– Вроде дома какие-то дела были. Я особо не спрашивал. А что?

– Ничего. Просто пытаюсь вспомнить всё по порядку.

После разговора я долго сидела с телефоном в руке. Само по себе время ничего не значило. Зоя могла быть занята утром, могла хотеть, чтобы мастер по карнизам оставался на месте во время примерки. Это даже было удобно.

И всё же мне не нравилось, что теперь любая подробность заставляла подозревать людей, которым ещё несколько дней назад я спокойно доверяла.

Зоя ответила ближе к полудню.

– Марина, у меня телефон с утра разрывается. Вы с Сергеем договорились, что ли, мне по очереди звонить? – спросила она недовольным голосом.

Я сидела за столом и перебирала край бумажной салфетки.

– Я вчера вам звонила, вы не отвечали. Мне нужна полная запись с примерки. Та, которую вы делали, когда я ткань расправляла.

– А у меня её уже нет. Я посмотрела, Нине переслала и удалила.

– Зачем вы Нине Павловне пересылали?

– Ну я же через неё тебя нашла. Хотела показать, что получается. Что тут такого?

Я заставила себя не повышать голос.

– Тогда почему Илье показали несколько секунд, на которых вообще не видно, что я работаю? Он теперь уверен, что я ему изменяю с Сергеем.

– Марина, ну это вы с мужем сами выясняйте. Я не могу отвечать за то, кто что подумал.

Я открыла нашу переписку, включив громкую связь. Здесь она была совсем другой: «Мариночка, спасибо», «Вы меня выручили», «Очень аккуратно получилось». Даже сердечко прислала после фотографии готовых штор.

– Вы сказали, что видели, как мы целовались? – спросила я.

Зоя помолчала.

– Я не собираюсь сейчас по телефону пересказывать, что я кому говорила. У вас своя семейная жизнь, у меня своя.

– Но речь обо мне. Нина Павловна сказала это моему мужу, сославшись на вас. Вы понимаете, что мы из-за этого разводимся?

У меня задрожал голос, и я замолчала, чтобы не разрыдаться прямо в трубку. Зоя вздохнула.

– Господи, Марина, ну зачем так сразу – разводимся? Поругались, помиритесь. Не первые вы.

– Так помогите нам помириться. Скажите Илье, что я к вам работать приезжала. Расскажите, что было на записи. Вы

же рядом стояли, вы всё видели.

– Что ты работала, я и не отрицаю. Заказ сделан, деньги я тебе перевела, никаких претензий нет. А в остальное меня не втягивай, пожалуйста. Мне это совершенно не нужно.

Я несколько секунд слушала её дыхание, потом всё-таки спросила:

– Запись точно не сохранилась? Может, в переписке, куда вы её отправляли?

– Я не умею во всём этом разбираться. Что было, то удалила. Извини, мне сейчас неудобно разговаривать.

Она отключилась раньше, чем я успела ответить. Вскоре написал Сергей: тётя и ему сказала, что записи больше нет, и попросила не вмешиваться в нашу с Ильёй ссору. Он ещё раз предложил встретиться с моим мужем.

Я положила телефон на стол и прижала ладони к глазам. Больше всего хотелось позвонить Илье и сказать: слышишь, она даже не отрицает заказ. Она сама признала, что я работала.

Я уже знала, что он ответит, но всё равно позвонила.

* * *

Мы договорились встретиться в небольшом кафе возле нашего дома. Я сама предложила не подниматься в квартиру: не хотела снова увидеть Нину Павловну на своей кухне.

Илья пришёл на десять минут позже. Увидев меня, остановился возле столика, будто не сразу решил, нужно ли поздороваться как обычно. Потом снял куртку и сел напротив.

– Ты как доехала? От Оксаны же далеко сюда, – спросил он, глядя на мою чашку.

– На автобусе. Там без пересадки, нормально.

Официантка подошла почти сразу. Илья заказал кофе, а мне предложил взять что-нибудь поесть. Я отказалась. Он всегда предлагал мне еду, когда не знал, как начать неприятный разговор. Раньше это даже казалось трогательным.

Я достала телефон и открыла сохранённую переписку.

– Я сегодня с Сергеем поговорила. Он готов встретиться с тобой, ответить на любые вопросы. С Зоей тоже поговорила, она подтвердила, что заказ был настоящий.

Илья откинулся на спинку стула.

– Марин, мы же вчера это уже обсуждали. Я не говорил, что ты вообще ничего там не делала.

– Я знаю. Но ты говорил, что не понимаешь, зачем я туда ездила. Вот, посмотри. Это мы ткань выбираем. Это она адрес пишет. Здесь предоплата, а здесь остаток после примерки. Я не задним числом всё это придумала.

Он взял телефон. Я замолчала, боясь спугнуть хоть это движение навстречу. Следила, как он проводит пальцем по экрану, задерживается на фотографиях, читает сообщения. На секунду мне стало легче.

– Вот здесь, – сказала я, наклоняясь ближе. – Она пишет, что карниз будут заканчивать. Я поэтому и приехала вечером. Сергей мог бы раньше сделать, но Зоя попросила именно к пяти.

Илья положил телефон на стол.

– И что это меняет?

Я откинулась назад.

– Хотя бы то, что я не назначала ему встречу. Я вообще не знала, что там будет он.

– Зато потом узнала и почему-то мне не сказала.

– Потому что не считала это событием, которое нужно отдельно обсуждать. Мне сорок пять лет, Илья. Я могу встретить знакомого мужчину и не подумать, что муж потом увидит в этом измену.

Он поджал губы. К нам принесли кофе. Официантка спросила, всё ли хорошо, и я машинально кивнула. Когда она отошла, Илья взял пакетик сахара, хотя обычно пил без него.

– А с Зоей ты о поцелуе поговорила? – спросил он.

– Да. Она не ответила прямо. Сказала, что не хочет вмешиваться.

– Ну вот видишь.

Я посмотрела на него.

– Что я вижу? Человек сначала вмешался, а теперь не хочет объяснять свои слова. Почему это, по-твоему, подтверждает её правоту?

Илья разорвал пакетик. Часть сахара просыпалась на блюдце.

– Потому что ей неприятно. Она подруга мамы, познакомила тебя с племянником, а теперь…

– Она меня с ним не знакомила. Мы друг друга со школы

знаем, – перебила я. – Илья, пожалуйста, не добавляй ещё того, чего не было. Ты сам с Зоей разговаривал?

Он отвёл взгляд.

– Мама разговаривала. Мне достаточно.

Я долго смотрела на него, надеясь, что он сам услышит, как это звучит.

– А Даше ты уже рассказал, – сказала я наконец. – Ей тоже должно быть достаточно?

Он поднял голову.

– Даша взрослая. Я не собираюсь делать вид, что у нас всё прекрасно, когда ты вещи собрала и ушла.

– Но ты мог сказать, что мы поссорились. Что у тебя есть подозрения, с которыми мы пока не разобрались. Зачем ты ей сказал про другого мужчину как про то, что точно знаешь?

– Потому что я так считаю.

Я сжала руки под столом.

– Ты мог хотя бы посмотреть всё это до того, как ей звонить. Хоть с кем-нибудь поговорить, кроме мамы. Я вчера тебе телефон протягивала, просила прочитать…

– И сейчас прочитал. Извини, но переписка о шторах не объясняет, почему ты висишь у него на шее.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Не говори так. Ты прекрасно видел, что я держалась за плечо, а не висела у него на шее.

– Марина, не придирайся к словам.

Я посмотрела в окно. У входа женщина пыталась сложить мокрый зонт, придерживая дверь локтем. Мужчина, шедший за ней, забрал у неё пакет и что-то сказал. Она раздражённо ответила, потом оба улыбнулись. Я отвернулась.

– А если твоя мама знала, что там ничего не было? – спросила я.

Илья перестал мешать кофе.

– Только не начинай.

– Я ещё не начала. Я спрашиваю. Она дала Зое мой номер. Она получила запись. Она пересказала тебе то, что якобы видела Зоя, но сама Зоя теперь ни с кем говорить не хочет. Ты не допускаешь, что мама могла тебе не всё рассказать?

– То есть она специально решила нас развести? – Он усмехнулся, но глаза остались злыми. – Марин, ну ты хоть подумай, прежде чем такое говорить.

– Я думаю об этом с того вечера. Ты же обещал поговорить с ней о переезде. Сказать, что она не будет жить с нами. Ты поговорил?

Илья помолчал.

– Поговорил. И что теперь?

– А как она отреагировала?

Он поставил ложку на блюдце так резко, что я вздрогнула.

– Ты её всю жизнь недолюбливала, а теперь решила ещё и это на неё повесить? Очень удобно.

– Я не хотела жить с ней в одной квартире. Это не значит, что я желала ей чего-то плохого. И не я первая начала гово-

рить о людях то, чего они не делали.

Я почувствовала, что опять плачу, и сердито вытерла щёку. Илья сразу придвинул ко мне салфетницу. От этого привычного движения стало только хуже.

– Послушай меня, – попросила я, уже не пытаясь скрыть слёзы. – Я не знаю, что именно произошло между Зоей и твоей мамой. Но я точно знаю, чего не делала сама. Ты можешь хотя бы на один день перестать считать меня виноватой и проверить?

Он смотрел на меня долго, устало.

– Я не могу просто взять и забыть то, что видел.

– А я не прошу забывать. Я прошу посмотреть остальное.

Илья отвёл глаза к чашке. Я ждала. Не подталкивала, не говорила больше ничего. Мне казалось, если я сейчас начну ещё раз объяснять, он снова зацепится за мой тон, за слёзы, за любое неточное слово.

Но он только вздохнул и потянулся за курткой.

– Мне надо ехать, я обещал на работу заскочить. Давай потом договоримся, когда вещи заберёшь, которые тебе нужны.

Я кивнула, хотя вопрос о вещах был последним, что хотела сейчас обсуждать.

Илья оплатил счёт, постоял возле стола и спросил, подвезти ли меня. Я отказалась, сославшись на дела. Никаких дел у меня не было. Я просто не представляла, как сяду рядом с ним в машину и буду смотреть на его руки на руле, зная, что

после этой поездки он поедет домой без меня.

* * *

В понедельник я впервые в жизни пришла на консультацию к юристу не из-за работы и не ради чужих документов. Контакт дала Оксана. Эта женщина помогала ей разбираться с договором аренды ателье.

Накануне я несколько раз открывала запись в телефоне и думала отменить встречу. Мне казалось, пока я не обсуждаю квартиру и развод с посторонними, ещё можно сделать вид, что всё не окончательно. Потом вспомнила, как Илья спросил, когда я заберу вещи.

В кабинете стоял небольшой стол, на подоконнике теснились папки. Юрист, женщина примерно моего возраста, убрала в сторону недопитый чай и предложила сесть.

Я начала с видео. Рассказала про заказ, Сергея, свекровь. Увидела, как она отложила ручку, чтобы не перебивать, и сама поняла, что пришла опять доказывать: я ничего не сделала.

– Простите, – сказала я, смущённо поправляя сумку на коленях. – Наверное, вам не это нужно рассказывать.

– Расскажите, что для вас важно. А потом посмотрим, с чем я могу помочь, – ответила она спокойно. – Документы на квартиру у вас с собой?

– Нет. Всё дома осталось. Я паспорт взяла и несколько вещей.

Она не стала пугать меня последствиями и не пообещала

решить всё одним звонком. Расспросила, что мне известно о квартире, как оформляли покупку, какие документы я могу найти. Несколько раз я отвечала: «Надо у Ильи спросить», и к концу разговора мне уже было неловко это повторять.

Я знала, где лежат зимние перчатки мужа, когда нужно менять фильтр на кухне и какие лекарства принимает его мать. А о бумагах на собственное жильё могла сказать только то, что они хранятся в синей папке.

Юрист составила для меня короткий список.

– Сначала соберём документы. Без них я не буду обещать вам ни конкретного решения, ни сроков, – сказала она, подвигая листок ко мне. – И если муж предложит что-то подписать, возьмите время спокойно прочитать. Не нужно соглашаться на месте только потому, что разговор неприятный и хочется поскорее его закончить.

Я кивнула, складывая листок.

– А то, что я ушла… Он не сможет потом сказать, что я сама всё оставила?

Она посмотрела на меня внимательнее.

– Вы уехали с сумкой на несколько дней. Сейчас мы с вами обсуждаем, как вам разобраться в положении дел, а не как отказаться от того, что вам принадлежит. Не надо принимать решения за мужа заранее и пугать себя ими.

Мне стало немного легче, хотя никакой хорошей новости я, по сути, не услышала.

После консультации я вышла на улицу и остановилась воз-

ле ступенек. Было сыро, с края крыши капала вода. Я достала телефон. От Ильи ничего не пришло, зато Даша написала, что доехала на учёбу, и прислала фотографию кофе в бумажном стакане.

Я ответила ей, что люблю её, потом открыла переписку с мужем. Несколько раз набрала начало сообщения и стёрла. В конце концов написала, что мне нужно забрать рабочие вещи и документы, и попросила сообщить, когда ему удобно.

Потом позвонила Оксане.

– Ты сегодня во сколько заканчиваешь? – спросила я, придерживая телефон плечом, пока застёгивала куртку. – Я тут посмотрела несколько квартир рядом с ателье. Может, съездим на одну вместе? Я сама боюсь что-нибудь не заметить.

– Съездим, конечно. Только ты из-за нас не торопись, мы тебя не выгоняем.

– Я знаю, Оксан. Правда знаю. Просто мне надо понять, где я буду жить.

Подруга сказала, во сколько освободится, и я открыла объявление ещё раз. На фотографии была тесная кухня с маленьким столом у окна. В описании обещали тихий двор и честно предупреждали, что мебель не новая. Я увеличила снимок, пытаясь разглядеть, есть ли возле стола розетка для машинки.

Глава 4. Мне нужна работа, а не жалость

На фотографиях кухня казалась больше. В объявлении стол стоял возле окна, рядом виднелся угол холодильника, и между ними будто оставалось достаточно места. Когда я вошла, оказалось, что пройти к окну можно только боком, предварительно задвинув табурет.

Оксана остановилась у порога и посмотрела на меня. Я сделала вид, что не заметила.

– Стол можно к стене переставить, тогда здесь свободнее будет, – сказала хозяйка, проводя ладонью по клеёнке. – Предыдущая девушка любила у окна сидеть. Я ничего не двигала, только после неё всё помыла.

Женщина была немногим старше меня. Небольшая, аккуратно подстриженная, в застёгнутом на все пуговицы кардигане. Пока мы смотрели комнату, она держала сумку перед собой двумя руками и отвечала на вопросы без раздражения. Квартира досталась ей от отца, сама она жила с мужем в другом районе.

Я открыла шкафчик под раковиной, проверила, сухо ли внутри. Оксана тем временем включила горячую воду.

– Она сразу идёт или ждать нужно? У моей знакомой пока дождёшься, можно посуду холодной перемыть, – спросила

подруга, подставив пальцы под струю.

– Немного спустить, если долго никто не пользовался. А так нормально. Стиральная машина тоже работает, я вам сейчас покажу.

Они пошли в ванную, а я осталась на кухне. На подоконнике светлел прямоугольник от когда-то стоявшего цветочного горшка. Обои возле выключателя были затёрты, у одной дверцы шкафа чуть провисла петля. Но здесь было чисто, из окна виднелся двор, а не чужая стена, и до ателье можно было дойти пешком.

Я выдвинула табурет и села. Если поставить на стол чашку, тарелку и хлеб, для телефона ещё останется место. Для машинки – вряд ли. Придётся каждый раз убирать всё остальное, а ткань будет свешиваться почти до пола.

В прежней квартире я сердилась, когда Илья оставлял на моём рабочем столе кружку. Сейчас с удовольствием убрала бы за ним хоть пять кружек, лишь бы можно было вернуться и услышать, что он наконец готов мне поверить.

Я провела ладонью по клеёнке и поднялась.

– Вы сказали, двадцать восемь в месяц? – уточнила я, когда хозяйка вернулась. – И столько же сразу залог?

– Да. Плюс счётчики, всё остальное я сама оплачиваю. Но сдавать хотелось бы надолго, чтобы не искать каждый месяц новых жильцов.

Оксана посмотрела на меня уже открыто. Я понимала, о чём она хочет спросить. Уверена ли я, что мне нужна имен-

но эта квартира? Не тороплюсь ли я? Может, лучше ещё несколько дней пожить у неё?

Хозяйка отошла в комнату за бумагами, и подруга приблизилась ко мне.

– Мариш, тебе здесь правда подходит? Только честно. Не надо соглашаться на первое, что увидела, потому что тебе кажется, будто ты у нас засиделась.

– Мне до тебя отсюда пятнадцать минут пешком. Здесь светло, машинка стиральная есть, холодильник работает. Что ещё смотреть?

– Чтобы тебе самой хотелось сюда возвращаться, например, – ответила Оксана негромко. – Ты всё-таки жить здесь собираешься.

Я посмотрела в сторону комнаты. У стены стоял раскладной диван с потёртым подлокотником, напротив – невысокий комод. Ничего страшного, ничего хорошего. Просто чужая квартира, которую можно было снять.

– Я сейчас ни в одну не захочу возвращаться, Оксан. Давай я хотя бы выберу ту, за которую смогу платить.

Подруга поджала губы, но спорить не стала. Только ещё раз проверила окно и попросила хозяйку показать, как закрывается балконная дверь.

Пока мы заполняли бумаги, я мысленно пересчитывала деньги. За последние месяцы отложила чуть больше ста двадцати тысяч. Собиралась купить оверлок получше, оставить часть на аренду места у Оксаны, а остальное не трогать – ма-

ло ли какой заказ попадётся, иногда ткань приходилось выкупать заранее.

Теперь почти половина уходила за один вечер. Я несколько раз проверила сумму перед переводом. Не потому, что не доверяла хозяйке, а потому, что боялась ошибиться даже в самых простых действиях.

Когда всё было закончено, женщина отделила от связки два ключа и положила передо мной.

– Один от нижнего замка, второй от верхнего. Верхний немного тугой, его надо до конца вставлять. Я покажу, чтобы вы ночью не мучились.

Я взяла ключи, повертела в пальцах и убрала в отдельный карман сумки. Рядом с теми, от нашей квартиры, класть почему-то не хотелось.

* * *

Илья ответил на моё сообщение поздно вечером: «Завтра до семи на работе. Забирай, что тебе нужно, ключи у тебя есть».

Я прочитала несколько раз, хотя ничего непонятного там не было.

Оксана согласилась отвезти меня днём. Закрыла ателье на время, повесила на дверь записку и, пока мы шли к машине, предупредила:

– Только давай сначала всё нужное заберём, а потом уже будешь стоять над каждой чашкой. Я тебя знаю. Мы так до вечера провозимся.

Я хотела возразить, но не стала. Она была права.

Дома пахло знакомым стиральным порошком. В прихожей стояли Ильины ботинки, возле зеркала лежала квитанция, которую я ещё до дня рождения собиралась убрать. На кухонном столе – чашка с подсохшим чайным ободком.

Я машинально взяла её, чтобы поставить в раковину. Оксана ничего не сказала, только прошла мимо меня в комнату и спросила, какую коробку брать под нитки.

При ней собираться оказалось легче. Она не позволяла задерживаться над вещами слишком долго: подавала пакеты, складывала коробки, уточняла, нужны ли мне зимние сапоги сейчас или пока можно оставить.

Я забрала машинку, ножницы, линейки, несколько отрезов ткани и папки с рабочими записями. Отыскала документы, которые просила посмотреть юрист, сняла нужные страницы на телефон. Открыла шкаф с одеждой и долго смотрела на бордовое платье. Илья убрал его со стула и повесил на плечики.

Я сняла платье и положила в сумку.

– Тебе помочь застегнуть? – спросила Оксана, когда я начала тянуть молнию.

– Сейчас, подожди. Я, кажется, рукав зажала.

Мы вместе освободили ткань. Подруга придержала края, я застегнула сумку, и на этом всё закончилось. Не было ни прощального обхода комнат, ни желания в последний раз посмотреть в окно. Я просто боялась, что не смогу выйти, если

позволю себе остановиться.

Часть вещей мы отвезли в новую квартиру, рабочие коробки – в ателье. Пока Оксана парковалась, я сидела рядом, придерживала стоявшую у ног машинку и чувствовала себя так, будто мы весь день занимались каким-то переездом для чужого человека.

В ателье подруга освободила стол возле стены.

– Вот здесь сядешь. Свет хороший, розетка рядом, утюг общий. Только гладильную доску надо будет переставить, а то мы друг другу локти поотшибаем.

Я поставила машинку и огляделась. До этого я бывала здесь много раз, помогала Оксане с заказами, приносила ей обед, если забегала по пути. Теперь нужно было понять, где будут лежать мои ножницы, куда убрать ткань и как не мешать человеку, который несколько лет устраивал это место под себя.

– Давай сразу договоримся, сколько я плачу, – сказала я. – Чтобы потом не было неловко.

Оксана присела на край соседнего стола.

– Восемь тысяч в месяц. Свет, вода, утюг – всё входит. За твои заказы я ничего не беру, деньги твои. Если будем вместе что-то делать, заранее посчитаем, кто что получает.

– А эту неделю как?

– Начнёшь платить с понедельника. Пока расставишься, привыкнешь…

Я покачала головой.

– Нет, давай с сегодняшнего дня. Посчитай остаток месяца, я переведу. Ты и так меня возила, ателье закрывала, дома у себя держала.

Подруга нахмурилась.

– Марин, я тебя не «держала». Ты у меня несколько дней прожила, не надо теперь за каждый бутерброд рассчитываться.

– Я не за бутерброд. Просто мне нужна работа, Оксан, а не чтобы ты ещё и здесь из жалости мне уступала.

Она посмотрела на меня и устало потёрла лоб.

– Господи, да где ты жалость-то увидела? У меня стол пустой стоит, за помещение я плачу, заказов бывает больше, чем я могу взять. Мне выгодно, чтобы ты здесь работала. А домой я тебя пустила, потому что ты моя подруга. Давай мы всё-таки будем различать одно и другое.

Мне стало стыдно. Я опустила взгляд на машинку и провела пальцем по крышке.

– Прости. Я сейчас на всё так реагирую, будто мне кто-то одолжение делает, а потом обязательно спросит за него.

– Я спрошу, не сомневайся, – ответила Оксана, и уголки её губ наконец дрогнули. – Например, почему ты опять ножницы на край стола положила. Но это уже рабочие претензии, так что привыкай.

Я улыбнулась и передвинула ножницы подальше.

* * *

Первые дни я старалась приходить раньше Оксаны. Не по-

тому, что работы было так много. В новой квартире я просыпалась ещё затемно и долго лежала, прислушиваясь к холодильнику. Он включался с громким дребезжанием, потом постепенно затихал. Сверху кто-то начинал собираться на работу, за стеной кашляли, в трубах шумела вода.

Я ни разу не перепутала, где нахожусь. Просыпалась и сразу всё помнила.

В ателье было легче. Здесь нужно было отвечать на вопросы, считать, прикалывать, выравнивать. Людей интересовали длина рукава, ширина брючин и срок готовности, а не то, почему мой муж поверил матери.

Плохо получалось только с ценами. Когда женщина принесла платье, которое нужно было заметно переделать по фигуре, я назвала сумму и тут же добавила, что можно будет немного уменьшить, если работы окажется меньше.

Клиентка удивлённо посмотрела на меня.

– Так вы сначала посмотрите, что там нужно, – предложила она. – Я же не торгуюсь.

Оксана, сидевшая за соседней машинкой, подняла на меня глаза, но при женщине ничего не сказала. Потом, когда та ушла, подруга отложила работу.

– Зачем ты сама с собой торгуешься? Ты ей нормальную цену назвала.

– Мне показалось, она недовольна.

– Она даже ответить не успела, Марин. Ты уже ей скидку предложила.

Я кивнула и записала заказ аккуратнее, чем требовалось.

Мне было трудно избавиться от привычки объяснять, почему моя работа стоит денег. Дома всё время казалось, что я всё равно здесь, всё равно машинка стоит рядом, а значит, можно сделать дешевле, уступить, взять маленький заказ между большими.

Теперь я каждый вечер открывала блокнот и смотрела на расходы: аренда квартиры, залог, место в ателье, проезд, продукты, бытовые мелочи, которые дома будто появлялись сами собой.

В среду я купила сушилку для белья и долго стояла у полки с кружками, выбирая самую обычную. В итоге взяла белую, без рисунка. Принесла домой, вымыла и оставила возле чайника.

Позвонить Илье хотелось всё время. Не только поговорить о нас. Рассказать, что в магазине опять переставили отделы. Спросить, помнит ли он, куда мы убрали запасную лампочку от машинки. Пожаловаться на неудобную подушку.

Несколько раз я уже открывала его номер и только потом вспоминала, что он больше не тот человек, которому можно сообщить любую мелочь.

К пятнице я совсем измучилась от недосыпа и в этот день испортила заказ.

Это были две плотные шторы для Оксаниной постоянной клиентки. Ничего сложного: ровные полотна, обычная лен-

та, без рисунка, который нужно совмещать. Я сама рассчитала расход, купила ткань и раскроила её.

Всё было почти готово, когда я разложила одно полотно на столе и открыла исходные размеры, чтобы ещё раз проверить длину перед обработкой низа. На фотографии замеров стояло два метра шестьдесят семь сантиметров, в моём расчёте – два сорок семь.

Я смотрела на обе цифры, потом снова измерила ткань. Проверила второе полотно, хотя уже понимала, что там будет то же самое. Двадцать сантиметров не могли появиться от того, что я проведу по ткани сантиметровой лентой ещё один раз.

Оксана разговаривала с клиенткой в зале. Я дождалась, пока за той закроется дверь.

– Оксан, подойди, пожалуйста. Я ошиблась с длиной.

Она подошла, взяла мой листок, посмотрела на фотографию в телефоне.

– Подожди, а где у тебя припуски?

– Припуски я посчитала. Высоту неправильно переписала. И ткань по этому расчёту купила.

Подруга разложила край, проверила сама и медленно опустила руки.

– Марина, их сегодня вечером забирают.

– Я помню. Я сейчас позвоню в магазин, узнаю, осталась ли ткань.

– Даже если осталась, ты не успеешь к пяти. Тут всё заново

делать.

Я стояла рядом, чувствуя, как горит лицо.

– Я понимаю. Дай мне сначала узнать, что в магазине, потом решим со временем.

Оксана провела ладонью по столу, смахивая нитки.

– Мне нужно было отдать их сегодня. Человек специально хотел к выходным всё повесить. Я сказала, что ты сделаешь, и даже не проверила.

Последние слова задели сильнее, чем я ожидала.

– А что, теперь каждую мою строчку проверять надо? – спросила я, подняв на неё глаза. – Я сама вижу, что ошиблась. Я не собираюсь делать вид, будто так и было задумано.

– Я не про строчки говорю. Я на тебя рассчитывала, понимаешь? Мне теперь звонить и объяснять, почему заказ не готов.

– Давай я сама позвоню. И за ткань сама заплачу. Не надо разговаривать со мной так, будто я ничего не умею.

Оксана выпрямилась. На щеках у неё появились красные пятна.

– А ты не надо приписывать мне то, чего я не говорила. Я знаю, что ты умеешь. Поэтому и дала тебе заказ, а не стояла над душой с линейкой. Но срок ты сорвала, и это надо исправлять, а не обижаться на меня.

Я отвернулась к своей сумке. На секунду захотелось собрать всё обратно. Сказать, что я никому не нужна ни дома, ни здесь, уйти в съёмную квартиру и лечь лицом к стене.

От этой мысли стало ещё стыднее. Оксана не была виновата в том, что я почти не сплю. Она дала мне работу и имела право ждать, что я её сделаю.

– Прости, – сказала я, доставая телефон. – Ты права. Я сейчас узнаю про ткань и позвоню заказчице. Только дай мне её номер, пожалуйста.

Подруга постояла рядом, потом молча отправила контакт.

В магазине нужная ткань была. Я попросила отложить отрез, рассчитала всё заново и на этот раз проверила каждую цифру.

Разговор с клиенткой оказался неприятным, но не страшным. Она расстроилась, несколько раз уточнила, точно ли получит шторы в субботу утром, и сказала, что больше ждать не сможет. Я обещала, что к десяти они будут готовы.

На новую ткань ушло пять с лишним тысяч. Пока продавец пробивал чек, я смотрела на сумму и думала, что теперь очень хорошо запомню разницу между шестёркой и четвёркой.

Обратно я приехала на такси, потому что терять ещё час на автобусе было нельзя. Чтобы ткань меньше помялась, в магазине её намотали на длинную картонную трубу.

Рулон оказался не столько тяжёлым, сколько неудобным. Я держала его поперёк себя, сумка съезжала с плеча, а входная дверь в здание постоянно норовила закрыться. Стоило мне подхватить ткань поудобнее, как дверная ручка цеплялась за ремень.

– Подождите, сейчас стекло заденете. Давайте я дверь подержу, – услышала я за спиной.

Обернулась и увидела мужчину в серой рабочей толстовке. На рукаве светлела пыль, в коротких волосах возле висков была седина. Он поставил на пол ящик с инструментами и взялся за дверь.

– Спасибо. Я сейчас, только сумку… Да господи, ну почему всё сразу-то, – пробормотала я, безуспешно пытаясь освободить ремень.

Мужчина чуть наклонился.

– Не тяните, она за ручку зацепилась. Вот теперь можно. Вам к Оксане?

– Да. Я у неё теперь работаю.

Он посмотрел на длинный свёрток.

– Давайте с другой стороны подхвачу, вдвоём удобнее будет. Здесь на повороте тесно.

Мне захотелось привычно ответить, что справлюсь сама, но сил на это уже не было. Мы донесли ткань до ателье. Мужчина поставил рулон возле стола и отступил, чтобы я могла пройти.

– Спасибо большое. Я Марина, – сказала я, поправляя волосы, прилипшие ко лбу.

– Алексей. Я через стенку, мебелью занимаюсь. Если у вас начнёт грохотать, это, скорее всего, у меня что-нибудь опять не влезло в дверь.

Он улыбнулся, и я невольно тоже попыталась улыбнуться.

Оксана выглянула из-за перегородки.

– Лёш, ты свой ящик опять в проходе оставил?

– Я его на минуту поставил, сейчас заберу, – ответил он и, уже повернувшись к выходу, добавил: – Всё, больше не отвлекаю. Приятно познакомиться, Марина.

Я поблагодарила ещё раз и принялась разворачивать ткань.

* * *

К половине восьмого у меня болела спина и резало глаза. Оксана собиралась домой. Перед уходом подошла к моему столу, проверила время на телефоне и сказала:

– Я завтра к девяти приду. Если что-то не успеешь, вдвоём закончим.

– Успею. Мне только низ обработать и отутюжить.

Она кивнула, но не ушла.

– Я, наверное, слишком резко с тобой разговаривала, – произнесла подруга после паузы. – Просто испугалась, что сейчас начнётся: заказ задержали, человек недоволен, а потом ещё кому-нибудь расскажет.

Я подняла на неё глаза.

– Ты нормально разговаривала. Это я всё услышала так, будто ты меня выгоняешь.

Оксана тяжело вздохнула.

– Ох, Марин… Не выгоняю я тебя. Но давай пока сложные расчёты вместе смотреть. Не потому, что ты не умеешь, а потому, что ты сейчас спишь по три часа и половину времени

мыслями вообще не здесь.

Мне хотелось возразить, но я посмотрела на лежавшие рядом короткие полотна и только кивнула.

– Давай. Я сегодня уже всё три раза проверила.

Подруга коснулась моего плеча.

– Домой совсем ночью не уходи. И поешь, у тебя в холодильнике контейнер остался.

После её ухода в ателье стало непривычно тихо. Слышалась только машинка и временами какой-то негромкий стук за стеной. Я закончила строчку, обрезала нитку и потянулась. Шея болела так, что пришлось осторожно повернуть голову несколько раз.

В дверях появился Алексей с кружкой в руке.

– Можно у вас кипятка попросить? У меня чайник перестал включаться, а я про него каждый день вспоминаю только к вечеру.

– Конечно. Я сейчас тоже собиралась ставить, – ответила я и поднялась. – Проходите, у нас здесь за перегородкой.

Он остановился у входа в маленькую комнату, посмотрел на два стула.

– Я не помешаю? Вы, кажется, ещё не заканчиваете.

– Не заканчиваю. Но мне уже самой надо минут десять посидеть не за машинкой, а то я сейчас к этому стулу окончательно прирасту.

Алексей поставил кружку и присел напротив, вытянув под столом ноги. Я заметила потёртые рабочие ботинки и белую

полоску засохшего клея возле ногтя.

– Оксана давно ушла? Я хотел спросить, не у неё ли мой удлинитель.

– Минут двадцать назад. А он какой?

– Чёрный, на катушке. Я ей давал, когда розетка возле утюга барахлила.

Я оглянулась на стол.

– Наверное, тот, который сейчас у меня под машинкой. Извините, я думала, он здесь и жил.

– Пусть пока живёт. У меня ещё один есть, я просто вспомнить не мог, куда этот делся, – ответил Алексей и слегка улыбнулся. – Вчера полмастерской перебрал, даже под комод заглянул.

Я налила кипяток. Чай оказался слишком крепким, пришлось добавить воды.

– Вы мебель делаете или ремонтируете? – спросила я.

– Больше восстанавливаю. Старые кресла, столы, шкафы. Иногда просят просто дверцу поправить, иногда привозят такое, что сначала надо понять, как оно вообще ещё держится.

– И всё можно восстановить?

Он посмотрел на меня поверх кружки.

– Нет, конечно. Иногда дешевле и разумнее другое купить. Только попробуйте объяснить это человеку, если он на этом стуле с пяти лет сидел.

Я улыбнулась.

– Понимаю. Мне одна женщина платье принесла, которое ещё до рождения дочери носила. Ткань уже местами расползается, а она всё равно хочет ушить. Говорит, больше нигде так хорошо не сидит.

– Вот-вот. А у меня недавно кресло было. Хозяйка велела всё сделать красиво, но старую подушку обязательно сохранить. Я предложил её хотя бы почистить, а она так на меня посмотрела, будто я кресло сжечь собираюсь.

– Подушка тоже с детства?

– Нет, кот на ней спит. Они уже одну новую купили, кот не оценил. Женщина сказала: «Кресло для меня, а место в нём всё равно его, так что давайте без экспериментов».

Я засмеялась, представив серьёзный разговор о том, что понравится коту.

– Мне как-то просили из остатков ткани маленький чехол сшить, тоже для кошки. Я сшила, принесла, а она легла на пакет. Хозяйка потом отдельно позвонила и попросила такой же, если у меня ещё есть.

Алексей рассмеялся вместе со мной.

– Вот поэтому котам и доверять нельзя, когда заказываешь мебель. Хозяин кресло выбирает, а коту только упаковку подавай.

Я снова улыбнулась и потянулась за кружкой. А потом вдруг вспомнила Илью. Не что-то конкретное, а само его присутствие в моей жизни. Ещё неделю назад я не представляла, что буду вечером пить чай с незнакомым мужчиной и

смеяться, пока муж находится где-то в другом месте.

Я замолчала и посмотрела на часы. Алексей тоже повернул голову к циферблату.

– Засиделся я у вас. Вы работаете, а я тут про котов рассказываю, – сказал он, поднимаясь. – Спасибо за чай. Кружку я у себя помою, не оставлю вам ещё и посуду.

– Да нет, вы не мешали. Мне правда надо было отвлечься.

Он кивнул, не пытаясь выяснить, почему я вдруг перестала улыбаться.

Когда Алексей ушёл, я ещё немного посидела над чашкой. Мне было неловко за собственный смех, хотя ничего дурного я не сделала. Просто поговорила с человеком о работе, выпила чай. Потом вернулась к шторам.

* * *

В субботу заказчица приехала к десяти, как мы и договаривались. Я развернула полотна, показала обработку, ещё раз при ней проверила длину. Женщина внимательно посмотрела, провела пальцами по шву и наконец кивнула.

– Вот теперь хорошо. Вы меня, конечно, вчера расстроили, но спасибо, что быстро переделали.

Я извинилась ещё раз и упаковала заказ. Когда за клиенткой закрылась дверь, Оксана молча поставила передо мной чашку кофе. Я взяла её обеими руками и впервые за утро смогла нормально вдохнуть.

– Всё, хватит на сегодня шторы мерить, – сказала подруга. – Сядь спокойно, а то ты сейчас ещё мои занавески на окне

проверять начнёшь.

Я хотела ответить, но зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Я поставила чашку и приготовилась услышать вопрос о каком-нибудь старом объявлении.

– Здравствуйте. Это Марина? Мне ваш номер Светлана Борисовна дала. Вы ей весной шторы шили, светлые такие, с узкой полоской.

Я сразу вспомнила заказ. Тогда мы долго выбирали ткань, потому что клиентке всё казалось либо слишком тёмным, либо слишком похожим на гостиницу.

– Да, я. Здравствуйте.

– Я у неё была, мне очень понравилось, как получилось. Хотела спросить, вы сейчас заказы принимаете? Мне в две комнаты нужно, но я сама не понимаю, сколько покупать и какую ткань лучше.

Я посмотрела на короткие полотна, сложенные возле моего стола. На языке уже вертелось привычное: «Конечно, договоримся, я недорого возьму». Я удержалась и достала блокнот.

– Принимаю. Только ткань пока не покупайте, сначала нужно всё измерить и посмотреть, как у вас стоят карнизы. Я могу приехать во вторник после шести. Вам удобно?

Женщина начала объяснять, где живёт. Я записала адрес, переспросила номер дома и договорилась прислать ей время сообщением.

– А вы где работаете? Можно будет потом к вам подъехать

образцы посмотреть? – спросила она перед тем, как закончить разговор.

Я продиктовала адрес ателье.

– Только позвоните заранее, пожалуйста, чтобы я точно была на месте.

Оксана всё это время сидела за своей машинкой. Когда я убрала телефон, она повернулась ко мне.

– Кто-то из старых клиентов?

– По рекомендации. Увидела шторы, которые я весной шила.

Подруга улыбнулась и снова наклонилась над работой. Я открыла в блокноте чистую страницу, переписала туда адрес и время. Потом поставила рядом пометку: взять образцы.

Кофе успел остыть, но я всё равно допила его до конца. После этого убрала чашку, разгладила на столе новый лист для расчёта и написала имя заказчицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.